

Цинлу шла впереди, ведя Сы Вэя к Павильону Туманов. По пути она рассуждала о здешней жизни — просто и на удивление трезво для своих лет:

— Все твердят, будто здешние девицы бездушны. А как иначе-то? Клятвы, что шепчут сегодня под луной, завтра оборачиваются притворством. Гости ведь платят чистым серебром за мимолётную сказку. Раз сами они приходят без чести, с чего бы девицам платить им искренним чувством? Покупают любовь за звонкую монету, а как выйдут за порог — давай грязью поливать. Мерзее лицедеев из дешёвого балагана, право слово.

Сы Вэй тихонько кашлянул, пряча улыбку, которую едва удавалось сдерживать. В своей прошлой жизни он больше двадцати лет прожил мужчиной, а потому отлично знал все слабости своего пола: пустую гордость, тщеславие, вечное соперничество...

Но он и подумать не мог, что если взглянуть на мир с другой стороны, примерив иную долю, то суждения мужчин и женщин друг о друге окажутся настолько беспощадными и быющими точно в цель.

Когда они покидали временные покои, сумерки только сгущались, но стоило им быстрым шагом дойти до Павильона Туманов, как ночь окончательно вступила в свои права. Сбив с обуви налипший снег и грязь, они откинули тяжелый полог. Внутри было тепло.

Ждали ли сегодня гостей или нет, жаровни топили постоянно: если разжигать угли только к приходу посетителей, комната не успеет прогреться.

В просторном зале на первом этаже теплилось лишь несколько тусклых светильников. Их слабого мерцания едва хватало, чтобы не наткнуться в полумраке на мебель.

Оказавшись у лестницы, Цинлу негромко позвала хозяйку. Сверху донесся тихий, протяжный отклик Цзиньли. Девочка устремила вверх по ступеням, и Сы Вэй последовал за ней.

На втором этаже струились до самого пола легкие шелковые занавеси, воздух был напоен сладким ароматом, а свечи горели ярко, но самой хозяйки нигде не было видно. Лицо Цинлу переменилось. Позабыв о спутнике, она подхватила подол платья и торопливо застучала туфельками по ступеням, ведущим выше.

Павильон делился на три яруса: первый встречал гостей показной роскошью, второй — строгим изяществом, а третий пустовал. Двери верхнего этажа оказались распахнуты настежь. Ледяной ветер, неся с собой колкую снежную крупу, безжалостно выстужал помещение.

Сквозь беспорядочный полет полупрозрачных занавесей виднелся силуэт женщины. Прислонившись к перилам балкона, она пила вино прямо из горлышка, безучастно глядя на метель. Услышав шаги, она медленно обернулась. В полупьяном, блуждающем зоре читалось угасание, а на лице лежала тень глубокой, безысходной тоски.

Цзиньли вяло взмахнула рукой:

— О, Цинлу... вернулась...

Цинлу в сердцах прикусила губу, подскочила к ней и вырвала из рук кувшин. Обхватив женщину поперек тела, она попыталась стащить её с резных перил балкона:

— Стоило мне отлучиться на минуту... а ты опять за кувшин! Одедась совсем легко и стоишь на ледяном ветру! Жизнь тебе не мила, что ли?!

Цинлу, хрупкой девочке двенадцати лет, было не под силу справиться с обмякшим телом хозяйки, которая упрямо цеплялась за перила. Да и от Сы Вэя проку было мало — ростом он не догонял даже служанку.

Вдвоем они кое-как стащили упрямыцу на пол. Откинув голову на резной подлокотник, Цзиньли зашлась тихим, горьким смехом. Уперевшись ступнями в деревянный порог, она отказывалась идти в тепло:

— Что жизнь — без радости, что смерть — без муки... Уж лучше сразу сгнуться, чем смотреть, как эта плоть день за днем гниет в поганом вертепе, пока не истлеет в прах.

Цинлу, стиснув зубы, зажала ей рот ладонью и сделала знак Сы Вэю помочь. Общими усилиями, полубоком, они затащили хмельную женщину в комнату.

Сы Вэй молча притворил створки дверей и задвинул засов, отсекая яростный вой бури. Только теперь он смог разглядеть распластавшуюся на деревянном полу Цзиньли.

Достав с полки огниво, Цинлу сунула его в руку Сы Вэю:

— Быстрее, зажги здесь свечи и растопи жаровню.

С этими словами она подхватила отобранный кувшин и поспешила вниз по ступеням.

Сы Вэй со вздохом достал из-под шкафа плетеную циновку и, бережно приподняв голову женщины, подложил под затылок, убрав с лица спутавшиеся пряди. Стараясь не глядеть на её неподвижные, полные безмолвных слез глаза, он поднялся и принялся один за другим зажигать светильники на узорчатых подставках.

Вскоре вернулась запыхавшаяся Цинлу, таща в охапке теплое одеяло и матрас. Расстелив их прямо на полу, она кое-как перекатали Цзиньли в постель. Не став возиться с одеждой, она накрыла её с головой узорчатым шелком, а затем достала платок и принялась осторожно утирать заплаканное лицо:

— Да что опять стряслось-то? Когда я уходила вниз искать человека, ты ведь была совершенно спокойна.

Укутанная в одеяла женщина долго лежала неподвижно. Наконец она медленно выпростала руку, забрала у девочки платок и глухо, с горькой усмешкой заговорила — на удивление чисто, без обычной для пьяных хрипоты:

— Матушка велела принести новую вывеску. После праздников наш Павильон Туманов переименовают в Эфирный павильон.

Цинлу осеклась. В комнате повисла тяжелая тишина.

— Рано или поздно это должно было случиться, — тихо проронила девочка. — Но, госпожа, пусть этот дом хоть трижды переименуют, для меня ты навсегда останешься хозяйкой.

Сы Вэй мысленно вздохнул. Еще по дороге сюда Цинлу в общих чертах растолковала ему жестокие порядки, царящие в Башне Весенней реки.

Пусть старшие служанки куртизанок и жили в приличных комнатах на четверых, грызня между ними шла нешуточная. Каждая цеплялась за свою покровительницу и спешно обзаводилась нужными связями.

Этим девочкам было от силы по девять-двенадцать лет. Их звали помощницами, но на деле... стоило господам увянуть, как вчерашние служанки занимали их покои и выставляли свое имя на продажу.

А Цинлу будущей весной как раз должно было исполниться тринадцать.

"Старшая служанка" — звучит красиво: преемница, верная помощница. На деле же это был занесенный над шеей топор, вечное напоминание увядающей красавице о том, что её время сочтено.

Павильон Туманов был один-единственный. Стоило Цзиньли покинуть эти стены, как Цинлу заняла бы её место, и тогда обитель сменила бы имя.

Но куда суждено уйти прежней хозяйке? Какая участь уготована той, чья молодость безвозвратно ушла?

Сы Вэй застыл на месте, неосознанно сжав кулаки так, что ногти впились в ладони. Сколько сейчас лет Цзиньли? А Цинлу?

В той другой, далекой жизни девочки их возраста прилежно учились бы в школе и не знали

иных забот, кроме детских игр.

Сколько же таких неприкаянных душ ломает этот беспощадный век?

Они сжались плотнее и медленно, бессильно разжались. Что он мог сделать?

Ровным счетом ничего.

В этом огромном, безразличном мире он сам был точно щепка в бушующем потоке — удержаться бы на плаву.

И все же разница была.

Сы Вэй с горькой усмешкой прижал ладонь к груди. Ему повезло больше. Он родился мужчиной — и это было единственным, за что он мог благодарить судьбу, глядя на несчастных дев.

С трудом подавив подступивший к горлу ком, Сы Вэй опустился на корточки у постели женщины. В мягком сиянии свечей он взгляделся в её красивое, испытанное тоской лицо и тихо проговорил:

— Пока нужно просто выиграть время. Госпожа Цзиньли, если вы сейчас опустите руки, эта сеть затянется на вашей шее намертво... Кто сказал, что из тупика нет выхода?

Цзиньли лежала неподвижно. Она смотрела лихорадочно, но слез больше не было. Спустя долгую минуту она беззвучно прошептала:

— И где же он, этот путь к спасению?

Сы Вэй смолчал, не зная, что ответить. Он поймал на себе умоляющий взгляд Цинлу — чистый, полный робкой надежды.

Немного подумав, он твердо произнес:

— Банкет в канун Нового года.

Цзиньли едва заметно усмехнулась:

— Неужели?..

Больше она не проронила ни слова. Всмотревшись в полумрак, Сы Вэй понял, что женщина уснула — её влажные ресницы сомкнулись, а между бровей залегла скорбная складка.

Он тихо поднялся и перевел взгляд на служанку:

— Идем. Покажи мне платья твоей госпожи.

Цинлу недоуменно нахмурилась, но расспрашивать не стала. Приподняв крышку медной жаровни, она убедилась, что угли тлеют исправно, и бесшумно повела Сы Вэя вниз, на второй ярус.

Второй этаж служил Цзиньли спальней. Пол здесь устилал плотный узорчатый ковер, посреди стояли составленные вместе полукруглые столы и несколько резных табуретов. На столешницах стыли почти нетронутые яства. Глубину комнаты отделяла полупрозрачная шелковая ширма, расшитая яркими пионами и порхающими над ними бабочками.

За этой тонкой, точно туман, преградой угадывались очертания парадной кровати под балдахинем на изогнутых ножках. Постель была пуста — все тюфяки и одеяла Цинлу унесла наверх, так что сквозь шелк ширмы просвечивали лишь голые доски ложа.

У восточной стены располагался туалетный столик. На нем висело бронзовое зеркало в тяжелой раме, стояли коробочки с румянами и пудрой, лежали аккуратно заточенные сурьмяные карандаши для бровей. Несколько ящичков лаковой шкатулки были выдвинуты, являя взору шпильки, гребни и подвески... Рядом на столешнице одиноко лежал единственный изящный наручный браслет — второй, видимо, давно затерялся.

Западную часть комнаты занимали сундуки. Пока Сы Вэй осматривался, Цинлу с удивительной прытью вытащила на середину комнаты несколько тяжелых коробов и принялась один за другим откидывать крышки.

Он ведь всего лишь хотел взглянуть на повседневные платья госпожи, а девушка устроила такой разгром, словно они собирались немедленно бежать.

— Ты что творишь? — изумился Сы Вэй.

Утерев пот со лба, девочка упрямо мотнула головой:

— Ты же сам просил показать платья госпожи! Как их сочетать, если не вытащить все наружу? Тут ведь одних только фасонов ворота не счесть: круглые, глубокие, прямые, косые... А рукава? Широкие, узкие, свисающие колоколами, прямые, в форме лютни, вовсе без рукавов...

Сы Вэй почувствовал, как у него начинает раскалываться голова.

— Довольно, довольно, — взмолился он. — Просто вытащи те наряды, которые твоя госпожа чаще всего надевает к гостям в последнее время.

Цинлу одарила его странным взглядом: сам ведь требовал показать, а теперь идет на попятную. Впрочем, спорить она не стала. Ловкими, привычными движениями она выудила из сундуков несколько платьев и разложила их на жестком дереве постели, на лету подбирая гармоничные сочетания.

<http://bllate.org/book/18280/1758567>